

1

Оценки современных российских историков и публицистов

Ю. В. АКСЮТИН

Брежневский «застой»

Реформы в сфере экономики уступили тогда место лишь словам о них. Усилились преследования инакомыслящих. Одни из них поэтому предпочли выступить с публичным осуждением деятельности «клеветников на советский строй». Остальные помалкивали. А если и высказывали свое мнение, то не на собраниях, а в курилках и на кухнях — благо собственных квартир становилось все больше и больше. Население все сильнее обуржуазивалось, и его симпатии были отнюдь не на стороне дряхлеющих на глазах немощных кремлевских старцев.

Многие из советских людей в то время стали все более критически относиться к получаемой ими официальной информации. И чем сильнее проявлялись недовольство и разочарование, тем активнее ставились типично интеллигентские вопросы: «кто виноват?» и «что делать?». Как выяснилось впоследствии, несмотря на все запреты и преследования, 28 процентов опрошенных читали тогда произведения А. И. Солженицына или что-нибудь слышали о них. В том числе 8 процентов — полуподпольно в «самиздате». Многие узнавали о них по зарубежному радио. 14 процентов опрошенных не одобрили высылку Солженицына за рубеж и лишение его советского гражданства, тогда как положительно расценили этот шаг властей лишь 12 процентов опрошенных; среди них, правда, только единицы читали что-то им написанное*.

* См.: Аксютин Ю. В. Изменения общественных настроений в СССР в 1950–1970-е гг. (по материалам массовых опросов населения) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в.». М., 2011. С. 148.

«Мы уже стали умнее, — писал потом об этом времени Г. А. Арбатов, — и люди уже стали не настолько забиты, запуганы, чтобы не видеть, не принимать того, что происходит. И потому невыносимо трудно было поверить в то, в чем интеллигенцию, народ пытались убедить — что И. Стаднюк или М. Алексеев выше Солженицына. А Трапезников (заведующий отделом науки ЦК КПСС. — Ю. А.) или Федосеев (директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и вице-президент АН СССР, курировавший гуманитарный блок. — Ю. А.) умнее и честнее Сахарова»*.

Своеобразным рубежом в отношении к советскому руководству не только всего окружающего мира, но и собственного народа стало открытое военное вмешательство СССР во внутренние дела Афганистана. С одобрением отнеслись к вводу советских войск туда 27 декабря 1979 года только 22 процента опрошенных. Настороженно, с тревогой встретили это известие 7 процентов. Без одобрения, отрицательно и против были 60 процентов**. Трудно поверить, что тогда, в конце 1979-го — начале 1980 года, столь подавляющее большинство советских граждан не согласилось с решением своего руководства ввести войска в эту страну. Объяснений тому может быть несколько. И прежде всего, напрашивается такое: людям свойственно забывать те из своих мыслей и поступков, с чем они позже стали не согласны, поэтому они часто искренне уверяют, что их сегодняшнее мнение соответствует тому, что было когда-то раньше, хотя это и не соответствует действительности.

Так могло произойти и с массовым сознанием в отношении войны в Афганистане. Скорректировать его должны были ответы на дополнительные вопросы: «Продолжало ли оставаться ваше мнение именно таким и позже? Если стало другим, то когда и почему?». В определенной степени эти вопросы задачу выполнили. Но вот в какой именно, в большей или в меньшей, — уверенно утверждать трудно. Мог сказаться тут и формальный подход значительной части анкетирующих к беседе с респондентами. Ведь, чтобы человек вспомнил что-то из своего прошлого, ему часто следует помочь не только наводящими вопросами, но и напомнить кое-что, одним словом — побеседовать, причем не торопясь, на что не у каждого анкетирующего хватает времени и терпения, да и заинтересованности в получении обширного и аргументированного ответа. Всего 26 из этих 60 процентов особо подтвердили,

* Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). М.: Междунар. отношения, 1991. С. 271.

** См.: Аксютин Ю. В. Изменения общественных настроений в СССР в 1950–1970-е гг. С. 148–149.

что эта их точка зрения не менялась*. Вот их-то, с некоторой долей уверенности, и можно причислить к тем, кто на самом деле изначально не одобрял вступление советских войск в Афганистан.

«В общем, — вспоминает Г. А. Арбатов, — и я, и многие другие воспринимали события в Афганистане как большое личное разочарование, боль такую, какой не ощущали со времени событий в Чехословакии». Но вот какой, казалось бы, парадокс. Уже потом, год спустя, Арбатову приходила такая мысль: не завязни мы в Афганистане, удержались ли бы мы от вмешательства в Польше, когда там разразился политический кризис? «Ведь оно имело бы еще более тяжкие, катастрофические последствия»**.

На вопрос «Изменилось ли ваше отношение к Брежневу к концу его жизни?» только 5 процентов опрошенных ответили, что оно было и оставалось уважительным, положительным. Было и осталось скептическим или отрицательным у 8 процентов. Оставались безразличными, не задумывались над этим 3 процента. Не изменилось, но не указано, каким оно было раньше, у 29 процентов опрошенных. *В худшую, отрицательную сторону изменилось отношение к Брежневу у 34 процентов опрошенных****. «Нечего держать у власти такого маразматика», — говорил Е. В. Коровин, начальник конструкторского бюро Красногорского оптико-механического завода. «Слишком долго он был у власти, — считала З. П. Ермолаева, инженер того же завода. — «Так как он был главой партии, его конечно уважали. Но по-моему, он превратился в дряхлого старика, еле держался, всякую чушь говорил и медали на себя цеплял, — никакого авторитета. Было ясно, что он скоро умрет». «Старость — не младость, человек должен сознавать свою нетрудоспособность, — полагал А. А. Кожемякин, рабочий подмосковной фабрики им. Володарского. — Лучше ушел бы в прошлое с достоинством, чем быть дураком и посмешищем у своего народа»****.

Таким образом, несложные подсчеты позволяют сделать вывод, что в начале 1980-х годов 20 процентов тех, кто продолжал лояльно относиться к Брежневу, противостояли не менее чем 42 процентам критически относившихся к нему и ожидавших персональных перемен на советском партийно-государственном Олимпе¹. При чем большая часть их, если судить по осуждению вооруженного вмешательства в Венгрию и Чехословакию, направленного на пре-

* См. там же. С. 149.

** Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). С. 231–232.

*** См. там же.

**** См.: Анкеты №№ 42, 40 и 13/99Б. — Личный архив автора.

сечение там демократических тенденций, ориентировалась именно на эти самые тенденции, наивно, правда, полагая, что советская система с ними совместима.

Какие же выводы можно сделать из вышеизложенного? Первый и главный из них заключается в том, что советское общество в своем отношении к власти перестало быть монолитным, тоталитарным. Но произошло это не путем постепенной эволюции, а моментно, сразу же после XX съезда КПСС. Последующему же постепенному росту критической массы способствовали как объективные обстоятельства (рост образованности и информационных возможностей), так и субъективные (прежде всего разочарование во внешней и внутренней политике тогдашнего руководства страны).

